

"Ваша Милость, капитан Левандовский здесь."

Хонор Александер-Харрингтон поднялась из-за стола, когда лейтенант-коммандер Вальдемар Тюммель, ее флаг-лейтенант, проводил гостя в каюту на борту КЕВ "Император".

Капитан Спенсер Хоук, ее личный оруженосец, следовал за обоими мужчинами, его глаза сузились, а рука с пистолетом зависла у пульсара на бедре. Беспокойство Хоука было бы очевидным для любого, тем более для человека, обладающего способностью чувствовать эмоции окружающих, и она не винила его. Но в данный момент она не была сосредоточена на эмоциях своего оруженосца, потому что посетитель нанес ей удар, будто дубиной по голове, как только оказался в пределах досягаемости.

Она услышала тихий звук позади себя, когда Нимиц спрыгнул со своей переборки и приземлился на угол ее стола. Уши древесного кота стояли прямо, его хвост стоял трубой, и острота его собственного беспокойства потекла к ней через их связь, когда он тоже испытал эту бурю эмоций.

"Капитан Зилвицкий," - сказала она, протягивая руку, и увидела - и почувствовала - удивление Хоука от приветствия. Она не винила в этом молодого грейсонца, как не винила его и за беспокойство. В последний раз, когда они видели Антона Зилвицкого, он все еще выглядел как Антон Зилвицкий. У этого человека было то же самое основное телосложение, но это было единственной реальной точкой физического сходства между ним и Зилвицким, которого они оба встретили.

Хонор была удивлена меньше, чем Хоук - или Тюммель, если уж на то пошло, - но это потому, что она узнала кодовое слово "Левандовский", переданное, как только яхта "Брикстон" вышла из Мантикорской туннельной сети через Беовульфский терминал. Лейтенант-коммандер Харпер Брэнтли, ее штабной офицер связи, передал ей входящее сообщение вопреки собственному здравому смыслу. При нормальных обстоятельствах он, вероятно, не стал бы передавать сообщение от совершенно неизвестного иностранного гражданского лица, но он уже давно был с Хонор. Со временем он обнаружил, что она знала довольно много маловероятных - многие сказали бы, сомнительных - людей, а капитан Левандовский был... настоящим.

Хонор узнала его не больше, чем Брэнтли, но все же она узнала кодовое слово "Пигмалион", которое было выбрано (неизбежно) ее дядей Жаком. И поскольку человек на ее дисплее использовал это кодовое слово и явно не был Танди Палэйн, Яной Третьяковой или Виктором Каша, был только один человек, которым он мог быть. Поэтому она разрешила роскошному шаттлу яхты причалить к "Императору" и позволила Левандовскому - Зилвицкому - пройти ее в каюту.

Сам факт того, что Зилвицкий вернулся так неожиданно и с таким опережением графика, наполнил ее тревогой. Она никогда не была знакома со всеми деталями его миссии. У нее не было причин знать об этом, и она была довольно занята своими собственными обязанностями - непрерывным процессом слияния двух флотов, которые были смертельными врагами в течение большей части семи стандартных десятилетий, в плавно интегрированный флот, несомненно, квалифицированный как один из самых хитрых частей кошачьей стаи, когда-либо встречавшихся на ее пути - когда он фактически отбыл. Но она знала его общие параметры и то, что он не должен был возвращаться домой так быстро.

Теперь, когда она справилась с ураганом беспокойства, напряжения и страха за бесстрастным фасадом маскировки Зилвицкого, она была уверена, что ее беспокойство было вполне оправдано.

"Ваша Милость." Глубокий, рокочущий голос Зилвицкого был приглушен резким напряжением, которое кто-то без ее чувствительности мог бы не заметить, когда он взял ее протянутую руку. "Спасибо, что согласились встретиться со мной в этих... условиях." Его свободная рука указала на его внешность, и, несмотря на бурю эмоций, его губы изогнулись в кривой улыбке. "Боюсь, я сейчас немного не в себе."

"Я вижу."

Она отпустила его руку, указывая на один из стульев по другую сторону стола, затем снова опустилась в свое кресло. Нимиц спрыгнул со стола к ней на колени, и она обняла его, согнув шею ровно настолько, чтобы положить подбородок ему на макушку, в то время как они оба смотрели на Зилвицкого с одинаковой силой.

Она подумала, не позвонить ли Джеймсу МакГиннессу, но Зилвицкому в этот момент меньше всего хотелось что-нибудь выпить. Вместо этого она посмотрела на Тьюмеля и Хоука.

"Думаю, нам с капитаном нужно немного побыть наедине, Вольдемар. Спенсер, я позвоню, если ты мне понадобишься."

Тьюмель, несмотря на свое неистовое любопытство, просто кивнул и направился к люку. Хоук колебался, выражение его лица было мятежным, поскольку профессиональная паранойя боролась с глубоко укоренившимся послушанием... и его доверием к землевладельцу. Хонор твердо выдержала его взгляд.

"Я позвоню, если ты мне понадобишься." Когда она повторила эти слова, в ее голосе послышались стальные нотки, и Хоук на мгновение напрягся.

"Конечно, Миледи."

Он удалился ... бросив напоследок мрачный взгляд на преобразившегося Зилвицкого. Люк за ним и Тьюмелем закрылся, и Хонор снова посмотрела на посетителя.

"Расскажите мне," - тихо попросила она.

"Я знаю, что вы не ожидали увидеть меня так скоро, если вообще ожидали, Ваша Милость." Тон Зилвицкого был резким, спокойным, но подернутым патиной страха, укрытого внутри него. Это не было страхом за себя, поняла Хонор, но железный контроль, который он на него наложил, только усилил его. "Настоящая причина, по которой я пришел прямо к вам," - продолжал он, - "заключается в том, что вы, вероятно, единственный человек, который знает - или поверит - кто я, а также имеет влияние, в котором я нуждаюсь. Проблема в том, что..."

Слова лились из него - все еще отрывистые, все еще тихие - когда он излагал свой отчет со всей ясностью и четкостью, которые Хонор привыкла ассоциировать с ним. Она внимательно прислушивалась не только к его словам, но и к эмоциям, стоящим за ними, и она чувствовала, что Нимиц слушает вместе с ней, чувствовала едва слышную вибрацию его мурлыканья, когда эмоции Зилвицкого также лились через него.

"...поэтому даже после того, как Виктор объяснил, кто мы такие, и даже после того, как Дусек согласился укрепить Новый Росток, мы знали, что не сможем продержаться бесконечно. Это

было, когда..."

"Когда вы все решили, что кто-то должен пойти за помощью," - прервала его Хонор, выпрямляясь в кресле. "И что лучшим человеком, чтобы пойти за ней, были вы. И поскольку я встречалась со всеми вами и являюсь командиром большого флота, было логичным для вас прийти сюда, на Мантикору, ко мне."

"Именно." Зилвицкий тяжело кивнул, его облегчение от того, что она понимает, было очевидным, затем нахмурился, когда она покачала головой с одной из своих слегка неестественных улыбок. Это была последняя реакция, которую он ожидал от нее!

"Прошу прощения, капитан," - сказала она, почувствовав его испуг. "Я действительно понимаю, в каком напряжении вы находились, и не пытаюсь относиться к этому легкомысленно. Тем не менее, есть кое-что, что вы должны увидеть."

Потрясение уступило место простому замешательству, когда он разумом попытался понять, что она имела в виду, но она только улыбнулась ему еще раз, затем протянула длинную правую руку, все еще баюкая Нимица левой, и ввела сложный пароль в свой настольный терминал.

"Это послание королевы Елизаветы, полученное недавно", - сказала она. "До сих пор его видели только семнадцать человек на Мантикоре. Вы будете восемнадцатым."

Глаза Зилвицкого сузились, но прежде чем он успел попросить каких-либо дополнительных разъяснений, Хонор нажала последнюю клавишу, и на дисплее ее стола ожило лицо темнокожей женщины в форме мантикорского адмирала. В ней безошибочно угадывались черты дома Винтонов, и Зилвицкий сразу узнал ее.

"К тому времени, как ты это увидишь, Бет," - сказала с дисплея Адмирал Глория Мишель Саманта Эвелин Хенке, Графиня Золотого Пика и Командующая 10-м флотом, - "я уверена, что по крайней мере некоторые из моих коллег-профессионалов подвергнут сомнению мои предполагаемые умственные способности. В этом случае они даже могут быть правы. Но я думаю, что это важно - ну, очевидно, я так думаю, иначе я бы не делала этого." Она покачала головой и слегка улыбнулась. "Поверь мне, я знаю о риске. Я также знаю, что когда у тебя на руках перестрелка с Лигой, знание, что кто-то умчался в самоволку и открыл еще один фронт, не может стоять невероятно высоко в списке твоих приоритетов. С другой стороны..."

Он смотрел на нее все это время, и когда она закончила, глаза Антона Зилвицкого были влажными. На самом деле он не плакал, но стоял на краю, и Хонор чувствовала эти слезы так же ясно, как и он. Не нужно было обладать эмпатической чувствительностью, чтобы понять, что этот человек более или менее подходил под термин "стойк", но под этим стоицизмом скрывался мужчина. Очень теплый, заботливый мужчина, который чувствовал намного глубже, чем кто-либо, не обладающий ее чувствительностью, возможно, когда-либо верил.

"Только Ее Величество и ее ближайшие советники видели это до вас, капитан," - тихо сказала она.

Она не стала утруждать себя увещаниями, обязывающими капитана дать торжественный обет молчания. С Зилвицким в этом не было необходимости.

Он прижал глаза большим и средним пальцами, сдерживая слезы. Когда он заговорил, его голос был мягким и хриплым. "Однажды мне пришлось совершенно беспомощно наблюдать, как моя жена Хелен умирает."

Хонор кивнула. Она знала эту историю. Каждый офицер Мантикорского флота знал историю защиты Хелен Зилвицкой конвоя MGX-1403. Пять тяжелых крейсеров класса "Скимитар" устроили засаду на минимальном расстоянии внутри гиперпространственной гравитационной волны, два легких крейсера и три эсминца сражались до конца в лучших традициях флота Эдварда Саганями. Никто из них - и ни один из мужчин и женщин на борту - не выжил, но ущерб, который они нанесли перед смертью, спас весь конвой... включая транспорт Карнарвон, в котором находились ее муж и четырехлетняя дочь.

Хелен Зилвицкая была награждена Парламентской Медалью за Доблесть за свои действия. Посмертно, как часто бывало с этой наградой. И Антон Зилвицкий наблюдал на главном дисплее транспорта, со своей рыдающей дочерью, сидящей у него на коленях, как она зарабатывала эту медаль своей жизнью.

"Я думал - всю дорогу сюда от Мезы - что я снова на страже смерти," - сказал он, и Хонор глубоко вздохнула.

Что бы ни случилось с Менделем, все уже закончилось, и ни она, ни Зилвицкий ничего не могли изменить. Но если Танди Палэйн выдержала этот бой, а Хонор была уверена, что она это сделала, и если Мика Хенке выдержала свое собственное расписание...

"Может, и так, капитан," - мягко сказала она, и он молча посмотрел на нее. "Возможно," - повторила она, и ее тон стал жестче. "Но из того, что я знаю об общем плане, я не думаю, это так. И в любом случае, капитан Зилвицкий... Антон..." - она встретила его взгляд очень спокойно, - "из того, что я знаю об Адмирале Золотой Пик, к этому времени, я гарантирую вам, что эти люди на Мезе гораздо лучше понимают фразу, "да падет на вас гнев Божий."

<http://tl.rulate.ru/book/18880/388049>